

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ	7
--------------	---

ЧАСТЬ I

ДЕТЕКТИВЫ	16
СОН	51
ПЁСИЙ ЗАД	71

ЧАСТЬ 2

РАССКАЗ ЛОДОЧНИКА	107
ГЛИНА АПСУ	139

ЧАСТЬ 3

УЛОВКА ИНАННЫ	176
ВОСКРЕШЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ	206

ПРОЛОГ

Всякий, кому хоть раз выпала в жизни удача окунуться в рабочую атмосферу редакции — будь то скромная заводская многотиражка «Генератор», милая сердцу советских женщин «Крестьянка» или солидный, но слегка старомодный «Красный шахтер», — всякий такой счастливчик знает, что стучаться в начальственный кабинет надо ближе к одиннадцати. С утра — летучка, потом редакционное совещание, а потом — главный редактор ведь тоже человек, ему немного отдохнуть надо, а то и принять, смотря по состоянию здоровья, двадцать капель валерьянки или пятьдесят грамм водочки. А уж после этого можно смело заходить и, пока тот тепленький, просить всего, чего только твоя журналистская душа пожелает — гэдээровскую пишущую машинку, путевку в Геленджик или командировку по щедрым совхозам-миллионерам.

Но некоторым ждать одиннадцати утра не обязательно. Время их стоит так дорого, что даже властолюбивая тигрица не смеет задерживать их в приемной перед дверью главного редактора всесоюзной газеты «Известия» и только почти-тельно встает при их появлении, выпячивая мощную грудь в белой лавсановой блузке под темно-серым в мелкий рубчик жилетом.

— Доброе утро, Ма... — успела выпалить хищница, но гостя уже переступила порог кабинета и закрыла за собой дверь, не услышав приветствия. Она с юности была глуховата.

Главный редактор, читавший в этот момент чрезвычайно важную переводную статью из «Франс-суар», грозно вскинул кустистые брови, но, едва завидев посетительницу, остановил движение и сложил брови совершенно скорбным домиком. Встречаясь с ней на официальных, полуофициальных и вовсе дружеских мероприятиях, Павел Григорьевич с удовольствием брал ее под локоток, почтительно склоняясь к самому уху, и весь вечер водил, как внучок единственную бабушку, по залу, то и дело услужливо предлагая присесть отдохнуть, хоть и знал — она даст фору любой девчонке и может проходить так хоть до утра. По-своему главред любил эту ста-

рушку в очках с такими толстыми стеклами, что глаза за ними превращались в точки. Любил за юношеский задор и неиссякаемую энергию, за редкое умение рассказывать и еще более редкое — слушать, несмотря на необходимость общаться с нею посредством слухового рожка, из-за чего содержание любой конфиденциальной беседы сразу становилось достоянием всей Москвы. Но стоило этой милой старушке появиться у него в кабинете, Павел Григорьевич начинал подумывать об убийстве...

Дело в том, что знакомая каждому советскому человеку писательница, журналистка, популяризатор науки и энтузиаст внедрения научного подхода в производство Мариэтта Сергеевна Шаинян, она же «бич божий», как называли ее про себя не сговариваясь и маленькие секретарши и большие начальники, требовала к себе и к своему творчеству особого внимания.

Стоило Мариэтте Сергеевне «заболеть» темой — хоть бы и аграрными экспериментами по созданию морозоустойчивого сорта кабачков, — как приходилось главному редактору резервировать для внештатного автора целый разворот, задвигая по углам и яркие интервью с членами недавней венгерской делегации, и — ужас! —

репортажи с чемпионата мира по хоккею. Каких страданий это стоило заядлому болельщику Павлу Григорьевичу, одному богу известно...

Вот поэтому-то при виде Шаинян главный редактор сразу засуетился и запричитал, потрясая гранками:

— Вы слышали?! Слышали, Мариэтта Сергеевна! Компартия Чили выдвинула Пабло Неруду кандидатом на пост президента! Дорогая моя... Это же сенсация! Срочно делаем материал!

— А как отреагировал Монтальва? И что посол США... этот, как его... Корри? — живо поинтересовалась Шаинян, выказывая немалую осведомленность в хитросплетениях южноамериканской политики.

— Пока нет информации. Следим. — Павел Григорьевич нажал кнопку селектора: — Наташа, вызовите ко мне редактора международного отдела к... — Тут он выразительно посмотрел на часы. — К десяти тридцати!

Но Мариэтта Сергеевна, сама будучи человеком прямолинейным, на столь тонкий намек внимания не обратила и основательно уселась напротив Павла Григорьевича, словно решила провести здесь весь остаток дня.

Несмотря на довольно-таки средний рост и почти комическую внешность пухлощекой усатой гномихи, Мариэтта Сергеевна, входя в любой кабинет, сразу занимала собой все его пространство. Вот и сейчас: дамская сумочка из твердой кожи — на столе, пальто с каракулевым воротником — в кресле, записная книжка и карандаш — на подоконнике, а сама писательница — на тяжелом стуле между окном и главным редактором, перекрывая ему и так уже не яркий октябрьский свет.

Павел Григорьевич насупился и сделал вид, что снова погрузился в чтение «Франс-суар». Через какое-то время текст действительно увлек его, и главный редактор забыл о госте. Время близилось к половине одиннадцатого.

— Да, — задумчиво вздохнула Мариэтта Сергеевна после долгого молчания. — По всему миру идет подъем социалистического движения. Есть, конечно, отдельные эксцессы, как в Чехословакии, но в целом... Знаете, Паша, я часто размышляю: а как видятся такие глобальные процессы из глубинки? Чем откликается борьба за независимость Южной Родезии в сердцах сибирских студентов? Что думают выпускники пищевого техникума где-нибудь в Саратовской области

о забастовках в Уругвае? Сочувствуют ли тамошним жертвам?

— Мммм... — неопределенно протянул Павел Григорьевич. — Вы имеете в виду, не превратились ли часы политинформации в пустую формальность? Не выхолащивается ли интерес молодежи к миру таким образом?

— Ну что вы! Я вовсе так не думаю... Нет, наоборот, мне бы хотелось уловить этот шаг времени в обыденности, в вечерних разговорах о важном где-то там, у костра, на краю света... Тема нужна, тема... Тема... А что передают с мест? Есть что любопытное?

— Да вот, — главред обреченно придвинул к себе машинописные листы с карандашными пометками на полях. — Что же тут интересного... В Орловской области встречают участников шестнадцатого республиканского съезда животноводов... Гости посетят новый свинокомплекс...

— Шестнадцатого... Нет, не то. Новизны не хватает.

— А свинокомплекс?

— Дальше.

— Месторождение марганцевой руды в Джезказганской области Казахской ССР выходит на

запланированную мощность добычи. Директор рудника товарищ Сапаев награжден орденом...

— Дальше.

— В Каинске Новосибирской области в здании местной библиотеки произошел пожар...

— Какой ужас! В библиотеке!

— Да... В ходе тушения обнаружена ценная находка — дневник народовольца Даринского, имя которого и носит библиотека...

— Тот самый, что совершил покушение на сибирского генерал-губернатора?

— Должно быть... Рукопись в плохом состоянии. С.Л.Барский, профессор Новосибирского университета, выехал на место с целью изучения... В Азербайджанской ССР проходит симпозиум, посвященный памяти...

— Постойте-ка... Что там еще про эту библиотеку?

— Больше ничего.

— Дневник казненного народовольца... Сколько ему было? Двадцать? Двадцать один? Чем он жил? О чем думал, мечтал?

— О свержении самодержавия, видимо, — Павел Григорьевич пожал плечами.

— Вы упрощаете сейчас. Человек прожил короткую, но такую яркую жизнь, убил этого си-

бирского тирана, а в энциклопедии о нем ровно две строчки. А теперь что же, еще приписка появится — «мечтал о свержении самодержавия»? Нет-нет, дорогой Павел Григорьевич, так нельзя! Вот она, тема! Через много лет после гибели героя находят его дневник! Из небытия появляется он, делится с нами живыми чувствами и мыслями... И перед нашим молодым читателем открывается уникальная возможность — заглянуть в прошлое глазами их сверстника, отдавшего жизнь за их счастливое будущее, за их свободу!.. В общем, оформляйте командировку, — Мариэтта Сергеевна решительно хлопнула ладонью по подлокотнику.

Главный редактор тяжело вздохнул. Он хорошо знал этот лихорадочный блеск в глазах Шаинян. «Как минимум очерк, — подумал Павел Григорьевич. — И наверняка с продолжением».

Мариэтта Сергеевна, словно подслушав его мысли, продолжала:

— Свой очерк я назову «Воскрешение из мертвых». Как вам?

— Броско. Весьма броско.

— Вы думаете? Хорошо же. Так и запишем.

Шаинян подошла к подоконнику, открыла пухлый блокнот в коричневом переплете и ли-

хим карандашным росчерком внесла в него название будущего очерка. Обретя смысл существования на ближайшие несколько недель, Мариэтта Сергеевна поспешила к выходу. Уже с порога она обернулась:

— Пожалуй, у меня выйдет еще статейка о сохранности библиотечных фондов в малых городах. Подумать только — пожар! Представляю, сколько уникальных книг не смогли спасти. Ну, коммунистический привет, Павел Григорьевич! Сибирь ждет!